

БОСС

Дымя гаванскою сигарой,
Начальник мой проговорил,
Чтоб не терял я время даром
И на работе не курил.

Что за вопрос?
Конечно, босс!
Растроган я до слез...

И, расточая запах виски,
Начальник мой сказал: старик,
Чтоб не было какого риска,
Не заливай за воротник.

Что за вопрос?
Конечно, босс!
Растроган я до слез...

Жуя биг-мак, начальник выдал:
Чтоб не случилось разных бед,
Работать будешь, чтоб не выгнал,
Без перерыва на обед.

Что за вопрос?
Конечно, босс!
Растроган я до слез...

«ИСХОД»

Эх, омочу бебрян рукав
Я в Гудзон-реке...

Может, скажешь, ерундовину гоню?
Наши Нюшки
За понюшку
Стали — «ню».
Есть прорушка на старушку —
Раззвоню —
Наши Нюшки, как из пушки,
Стали — «ню».
То-то, нюни распустили мужики:
«Эх, пропали наши светлые деньки...»
Уплывают наши крали за кордон!
За доллАры,
За товары,
За капрон —
Наши Нюшки-хохотушки стали «ню».
Эх, генофонд пораспродали на корню...»
А чем ругаться, возмущаться, трепетать, —
Повнимательней Радищева читать...

А ни словечка больше тут не припишу...
...А в стороночке платочком помашу!

КОЛЕСО

То море — не море.
Ни хмари его — ни лазури.
Душевная смута
И мука растут, не ветшают.
Меня оглушают
Мои одинокие бури —
Чугунные, чуждые бездны
Меня искушают.

Меня иссушают
Огни городов неизвестных.
Горячечно-гордые
Башни они украшают.
Меня вопрошают
Мои одинокие бездны —
И новые тайные беды
Меня возвышают.

Меня разрешают
От бремени честной победы,
Судьбу разрушая,
Мечте мельтешеньем мешая.

Меня утешают
Мои одинокие беды —
И верные, прежние бури
Меня воскрешают...

ЛИСТЬЯ

Никаких — ни прямых, ни косвенных
приказаний перо не слушалось.

Что-то мне не пишется осенью,
когда кроны строгие рушатся.

А на каждом листе — иероглифы...
А на нём не прожилки — тайнопись...
Но вы падаете, как проклятые!
Прогляжу — следа не останется...

Светит солнце лучами разреженно.
Травы тонкие ниже никнут.
Вы — бросаетесь, как отверженные,
с небоскрёба. Нет. Не привыкну.

Ваши тайны стирает тление.
Ваше золото — цепенеет.
А другие листья — весенние —
не узнают вас, не оценят.

Будут долго дрожать деревья,
всем ветрам по-китайски кланяться,
но от вас они — и на время,
не избавятся, не избавятся!

МОЁ

Пустое забытьё.
Ни звука. Ни огня.
Найди меня, моё.
Вселись, моё, в меня.

Вернись. Не обессудь:
На что мне тлен и прах?
Отдай мне плоть и суть.
Не оставляй впотьмах.

Включи мне шум и свет.
И боль верни назад,
И тысячи примет,
Подряд и наугад!

Почти в руках покой
Предсказанный — точь в точь!
Но вечный сон — на кой?
Оставь мне день и ночь.

К чему мне вниз иль ввысь?
Зачем мне ад иль рай?
Моё — в меня вернись.
И мне — меня отдай!

Не надо — «на помин».
Хотя бы на «пока»
Мне губы крась в кармин,
Витийствуй у виска!

Пускай сначала — пульс.
Да будет жизнь — сейчас.
А завтра... Разберусь
В себе. В который раз!

ОКЕАН

В океане, огромном, где провалы-глубины,
И который постичь никому не дано,
Изогнув свои пёстрые и полосатые спины,
Обречённо и медленно оседают на тёмное дно...

Далеко от затейливой дамы Европы,
Далеко от морских кораблей,
Там, в воде их лучистые, светлые, струнные стропы
Всё белей, всё белей.

И не надо рыданий, и не надо сентенций,
Ведь они б не слышали их
Среди синих и давних

Флюоресценций
Многокольчатых гадов морских.

Их паденье бесшумно, анонимно и тускло
Среди скользких и гибельных глыб,
Среди чванных и толстых гигантских моллюсков,
И в лучах электрических рыб.

Эх, была-небыла! Колыхаясь,
Горят купола, купола, купола
Парашютов, безвольных, как на суше медузы,
И теперь им осталось одно:
Чтоб без груза, без груза, без груза, без груза —
Погрузиться на самое дно.

Это чьи-то надежды. Это чье-то спасенье
Поменяло стихию. И попало в тиски.
Их хоронят базальты. Их колеблют течения.
Их прессуют давления.
Их заносят
Слепые
Пески.

СНЕГ

Последним снегом сей зимы
Была подёрнута природа.
Сюрпризами такого рода
Теперь забалованы мы.

...А снег не шёл, он возникал
Из невесомой протоплазмы.
Алмазом — грязи устилая
Средь переделкинского лая,
Он превращал округу в праздник
И тихо чудо предвещал.

Снег собеседника искал
В мерцальном предзакатном блеске.
Переливались перелески
Хрустальной снегописью.
Стал
Его полёт или паренье
Иным, коль ты его прочёл —
Белокипенное роенье
Небесных милосердных пчёл.
Беды и боли утоленья.

Бинты, врачующие души,
Свисали мягко до земли
И слёзы становились суше,
Рыданья становились глуше
И реже... и уже прошли.

Его прощальное круженье
И утомление его.

Предивный храм Преображенья
Плыл в обрамлении его...

31 марта, Переделкино

СОЗЕРЦАНИЕ

Я бреду по небесной гряде.
Я люблю утончённо и свято,
Когда сладкое золото заката
Растворяется в тёплой воде.

Этих рек круговые извивы,
Эти башни на склонах крутых
Слишком призрачны, слишком красивы,
Чтобы жизнь не разрушила их.

Только тянутся нити оттуда.
Вековечно. И ныне — и впредь.
И в зелёное золото пруда
Упадает небесная твердь.

И уже понимание близко:
Что всего-то на свете и есть —
Огневая, прекрасная искра,
Что способна вознесть и низвесть.

Из разверстого края заката
Станет кровь раскалённая бить.
Ведь нельзя утончённо и свято
В этом гибельном мире — любить.

ТРОЕ

Возлежат по углам рюкзаки,
У печурки торчат сапоги...
Снова трое за общим столом.
На троих — только крыша «на слом»
И транзистор. Молчат мужики.
Приубавить им звук не с руки:
Женский голос заморский вдали
О «пленительных кущах любви»
Им поёт. И не «люли-люли»
В головах: «се ля ви, се ля ви».

Где-то в мире блуждают такси.
Где-то есть, ну а здесь — не спроси.
Где-то в полную фазу огни,
Ну а эти — и трое — одни.
Барабанит по стёклам вода.
И бегут поезда — не сюда...
Рыбой пахнет сырой Беломор,
Самый воздух застыл и продрог.

С давних пор до неведомых пор
Ни своих, ни чужих — на порог.

Нападает волна на мостки.
Дебаркадер встаёт на дыбки.
Отчуждённая, мокрая темь, —
Разговорам не сыщется тем.
Наклонённые профили их
У зарёванных окон ночных...

ВЕТКА

Поздней зимой костёр развели.
И ветку тонкую бросили.

Старые палки горели без слёз.
Жалко. Жарко.
И все — одинаково.
А эту била мелкая дрожь.
Эта — корчилась, извивалась.
Пела. Плакала.

Не слышал огонь жалоб.
Огонь не жалел — жалил!

Устала увёртываться. Скулила.
Наружу просилась весенняя сила...
И снова забилась
В пламени лисьем!..
И лопнули почки.
И вылезли листья.
Маленькие. Зелёные.
Живые. Не опалённые.
Успели понять лишь это:
«Как рано настало лето!..»
Чёрные, скорчились.

Лето кончилось...
Белесый лес упёрся в высь.
А первые листья в огне
Родились.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

Я вернулась сюда. Я иные угоды знавала.
На медлительный срок от Тебя отлучили меня.
Я в себе невольна: я б хотела родиться сначала,
Чтоб прощенья просить, чтобы рухнуть в Твои зелена.

Мне б глазами врати в роковое Твоё поднебесье,
К преломлённым корням и душой, и судьбой прикипеть,
Чтобы в дальнем пути отворялись подворья и песни,
Чтобы, чувств не тая, лишь с тобою и плакать, и петь.

Хоть не лист человек — его носит по белому свету,
Да спасает подчас нестерпимая, ясная боль.
Не пускай — воскреси, научи, образумь, посоветуй...
В Твоих градах и весях навек затеряться позволь!..

Не могу без Тебя. Всё святое Твоё и простое
Я узнаю и сердцем, и духом, и сном, и нутром.
На зелёный закат птица сронит перо золотое,
Розоватый рассвет пересыплет пурпурным пером.

ХОРОШО

Как хорошо! Иду-бреду...
Под сапогом снега хрустят...
И все опять меня простят.
И я найду свою звезду.
Иду по призрачной тропе,
В сиянии снегов спектральном...
Я больше не хочу спектаклей
И одиночества — в толпе.

Святое мужество лесов.
Сосновый запах, столько воли.
Здесь не наступят на мозоли.
Закрою душу на засов.
И в этот тёмный, старый дом
Никто на свете не ворвётся.
Горит звезда на дне колодца.
Сияет полночь над прудом.
Шаги вблизи слышу... Ладно!
Срывайся с веток стая сов,
Лети по следу свора псов,
Чтоб больше было неповадно.
Я поселю огонь в очаг.
С корявых нар я пыль смахну,
И буду слушать тишину,
И накормлю волчат.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Ты пожалей меня, железная дорога,
Огни желанные, заманные зажги,
Да увези меня туда, где дела много,
Убереги от суеты, остереги!

Я стану звякать подстаканником в плацкартном
И при дежурном слабом свете с потолка
С соседом пасмурным перетасуем карты
И в распростецкого сыграем «дурака».

Да будут вёрсты, перегоны и платформы
С подслеповатым, наслезённым фонарём...
И разговор в «демократичном дискомфорте»
О том, что живо и за что не зря погрём.

Свет семафоров маневровых васильковый
Своею синью взбудоражил, напугал,

Так, что не знаешь: добровольно ли, силком ли —
Жива надежда — баснословный капитал!

Я воцарюсь на достославной верхней полке,
Ей не чета викторианская кровать,
Все передраги с расстановкою и с толком
До сна по полочкам пытаюсь рассовать...

Ах, на рассвете, на рассвете сладко спится...
Но перед станцией, где не было обид,
Сама судьба рукой бессонной проводницы
Меня легонько за плечо потерябит...